

Дипломатия победила, наука проиграла

ЛЕГЕНДАРНЫЙ АРХИВ НИКОЛАЯ ХАРДЖИЕВА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОСКВУ

СЕНСАЦИЯ

Юрий АРПИШКИН

В Министерстве культуры РФ рапортуют о нежданной-негаданной дипломатической победе. В течение ближайшего времени в Москву должен вернуться архив выдающегося историка русского авангарда Николая Ивановича Харджиева. Этой авантюрной истории исполняется двенадцать лет. Напомним ее вкратце (в «МН» этой истории было посвящено несколько публикаций Татьяны Андриасовой): в 1993 году на таможне аэропорта Шереметьево был задержан человек с подозрительным багажом: в чемоданах лежали рукописи, рисунки, книги и фотографии. Компетентные органы быстро установили, что все это — из коллекции Харджиева.

Самого коллекционера в Москве не оказалось, он вместе с женой — художницей Лидией Чагой отбыл в город Амстердам. Как стало вскоре известно, туда же отправилось и собрание живописи, библиотека и значительная часть архива. В чемоданах шереметьевского пассажира нашлась и расписка, из которой следовало, что Николай Иванович продал немецкой галеристке Кристине Гмуржинской шесть полотен Казимира Малевича. Эти обстоятельства решительно не совпадали с действующим российским законодательством. Дело в том, что оно не позволяет владельцу художественных ценностей распоряжаться ими по своему усмотрению за пределами российских границ. То есть их нельзя вывозить из страны без соответствующих разрешений, которые практически невозможно получить.

Разразился скандал, ФСБ завело уголовное дело и начало расследование. Между тем сам Николай Харджиев и его жена, разбирая свои вещи и бумаги в новоприобретенном амстердамском доме, по их словам, недосчитывались многих и многих rarитетов. Назревал конфликт коллекционера и людей, способствовавших его выезду на Запад. Накануне своего девяностолетия Николай Харджиев оказался вовлеченным сразу в два непосильных для него противостояния: с западными акулами арт-рынка и отечественными министерскими и архивными чиновниками. Уникальный архив, где хранились материалы Хлебникова, Елены Гуро, Эль Лисицкого, Крученых и всех, всех, всех широко и не слишком широко известных персонажей истории русского искус-

Константин Рождественский. Портрет Николая Харджиева. 1940-е годы

ства начала XX века, оказался разорен и раздроблен. Сегодня, судя по всему, уже нет никакой возможности его собрать воедино хотя бы точно установить, каков он был. Опись документов никогда не была составлена, и теперь, после загадочной гибели в Амстердаме Лидии Чаги и смерти Николая Харджиева там же, эта задача — из числа неразрешимых.

Голландская часть коллекции стала безраздельной собственностью некоего частного фонда, организованного весьма проблема-

тичной публикой, окружавшей коллекционера в последние месяцы его жизни. Физически вещи хранятся в фондах амстердамского музея Стеделик. Государство Нидерланды не признает легитимности российского закона, который нарушил Харджиев. Но все же некоторую неловкость, по-видимому, ощущает. Поэтому на протяжении всех лет ведет с российской стороной прерывистые нервные переговоры. Предмет коих, в сущности, не вполне понятен. Не вызывает сомнения тот факт, что Николай

Харджиев абсолютно добровольно дал согласие на вывоз коллекции. Очевидно так же, что впоследствии он не то чтобы сожалел о самом факте выезда и вывоза, но выражал недоверие к людям, чьей помощью воспользовался. Здесь — с точки зрения голландской юриспруденции — кроется коллизия.

Она, однако, не помешала формальным наследникам и фактическим «подельникам» Харджиева продавать картины из его собрания. Этот процесс шел вполне успешно, и сейчас известно о минимум пяти случаях таких продаж. Российское законодательство по-прежнему этих сделок не признает. Но наши министерские чиновники, курирующие затянувшийся сюжет (за подотчетный период их сменилось немало), тоже люди, не чуждые здравому смыслу. Они отчетливо понимают, что возвращение в Россию столь весомых в денежном эквиваленте худценностей, как

главная проблема, почти ментального свойства. Мы желаем сотрудникам московского архива приятного путешествия, но должны сказать, что выглядит оно со стороны несколько избыточным. Дело в том, что в Амстердаме не надо ничего специально «готовить», там и так все в порядке. Архив Харджиева подробно описан, хранится в идеальных условиях, к нему получают доступ историки, искусствоведы, филологи и все, кому он нужен для работы. Многие материалы из этого архива за двенадцать лет опубликованы в самых авторитетных изданиях разных стран мира. Достаточно назвать пятитомное собрание сочинений Казимира Малевича, вышедшее в московском издательстве «Гилея» под редакцией Александры Шатских.

К сожалению, ничего подобного о московской (пресловутой чехомоданно-шереметьевской) части архива Харджиева сказать нель-

Впоследствии ученый не то чтобы сожалел о самом факте выезда и вывоза, но выражал недоверие к людям, чьей помощью воспользовался

живопись Малевича, Ольги Розановой, Любови Поповой, Зданевича и Родченко, навсегда или очень надолго останется в области мечтаний. Так что разумно удовольствоваться малым, а именно не обладающей столь внушительным, как живопись и графика, финансовым весом амстердамской частью харджиевского архива. Если присовокупить ее к содержимому тех чемоданов, что были в свое время задержаны в Шереметьево, получится нечто вполне убедительное.

Как будто бы переговоры на этот счет действительно завершены. И директор Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) Татьяна Горяева рассказала, что сотрудники ее учреждения уже готовятся в начале осени поехать в Амстердам для подготовки документов к возвращению на родину. И вот здесь-то и возникает

зая. Она по-прежнему лежит мертвым грузом в РГАЛИ, никому не удалось еще увидеть ее опись, не говоря уже о самих бумагах и возможности их публикации. Перспектива в свете этих знаний рисуется такая: амстердамскую часть привезут и выгрузят в Химках (место дислокации РГАЛИ), там ее будут еще десятилетия полтора изучать, описывать и хранить в тайне. Потом с исследователей начнут требовать немалые суммы за возможность копировать и тем более публиковать документы. История искусства XX века будет терпеливо ждать и в конце концов безусловно дождет. Утешительно звучат лишь предположения о том, что в ходе переговоров голландской стороне удалось выторговать себе право скопировать весь архив, так что у российских специалистов будет возможность знакомиться с копиями хранящихся в отечестве документов на берегах Амстела. ■

ДОСЬЕ

Николай Иванович Харджиев (1903 — 1996) — искусствовед, филолог, текстолог, мемуарист. При его участии подготовлены книги «Неизданный Хлебников» (М., 1940), «Стихотворения» Осипа Мандельштама (Л., 1976, серия «Библиотека поэта»), «К истории русского авангарда» (Стокгольм, 1977). При жизни Н.И. Харджиева изданы его книги «Поэтика раннего Маяковского» (в соавторстве с В. Трениным), «Жизнь Павла Федотова», «Повесть о механикусе Ползунове». Многочисленные работы, печатавшиеся в периодике, собраны в двухтомнике: Н.И. Харджиев. «Статьи об авангарде» М., 1997.

Значение личности Николая Харджиева для культуры его времени далеко выходит за пределы библиографии. Близкий друг Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Алексея Крученых, Харджиев пользовался их беспрецедентным доверием. Известно, что Мандельштам, находясь в начале 30-х в Воронежской ссылке и ожидая нового ареста, просил близких именно Харджиеву передать свои рукописи. Именно в квартире Харджиева состоялась знаменитая встреча Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

